

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА УНИЧТОЖЕНИЕ ИЛИ ПОВРЕЖДЕНИЕ ИМУЩЕСТВА ПО УГОЛОВНОМУ УЛОЖЕНИЮ 1903 г.

Дан ретроспективный анализ системы преступлений, предусматривающих ответственность за повреждение имущества по Уголовному Уложению 1903 г. Автор исследует различные подходы и воззрения выдающихся юристов XIX в. в области уголовного права на спорные положения проекта Уложения 1903 г. Автор обосновывает свою позицию по некоторым проблемным вопросам проекта Уголовного Уложения 1903 г.

Ключевые слова: уничтожение; повреждение; общественная опасность; Уголовное Уложение 1903 г.

Уголовное Уложение 1903 г. являлось последним кодифицированным уголовно-правовым актом Российской империи. Его создание было вызвано государственно-правовыми преобразованиями второй половины XIX в. (отменой крепостного права, проведением судебной, земской реформ), несоответствием Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. складывающимся социально-экономическим условиям, его архаичной структурой, многостатейностью, казуистичностью, существованием нескольких источников уголовного права. Уголовное Уложение разрабатывалось на протяжении 20 лет такими выдающимися юристами, как Н.С. Таганцев, И.Я. Фойницкий, Н.А. Неклюдов, Э.Я. Нольде и др. 22 марта 1903 г. Уголовное Уложение было утверждено Николаем II. Однако в законную силу вступили лишь 13 из 37 глав Уголовного Уложения.

Нормы, предусматривающие ответственность за повреждение имущества, содержались в Уложении в гл. 30 «О повреждении имущества, путей сообщения, предостерегательных, граничных и тому подобных знаков или иных предметов». В этой главе были объединены нормы, предусматривавшие ответственность, по сути, за неодинаковые по юридической природе преступления. Так, помимо установления ответственности за «простое умышленное повреждение», в ней содержались нормы, предусматривающие ответственность за общеопасные виды повреждения (повреждение железнодорожных сооружений, парохода, морского судна, повреждение взрывом, потоплением и т.д.). В этой же главе предусматривалась ответственность за повреждение публичных памятников, предметов науки или искусства (ст. 550), церкви или христианского молитвенного дома (ст. 553), чужих документов и корреспонденции (ст. 552), служащих для общего или правительственного пользования телеграфа, телефона или для частного пользования тех же предметов значительной ценности (ст. 556) и др.

Следует также отметить, что объективная сторона преступлений, предусмотренных гл. 30, имела разную обрисовку. В одних случаях повреждение имущества законодатель отнес к способу совершения другого преступления, в других оно определялось как результат противоправных действий, которые были обозначены в диспозициях этих статей. Так, в ч. 11 ст. 550 предусматривалась ответственность за перемещение предостерегательного знака, заведомо поставленного

для ограждения личной собственности, за сокрытие и присвоение документов или корреспонденции (ст. 552). Статьи 559, 567 устанавливали ответственность за нарушение безопасности железнодорожного движения или судоходства или постановления для безопасности железнодорожного движения или судоходства, нарушение вышеуказанных правил неверной подачей по неосторожности знака служащего для безопасности железнодорожного судоходства или постановления для безопасности железнодорожного движения или судоходства. Статья 560 предусматривала наказание за употребление или допущение употребления заведомо негодного или недостаточного количества материала или заведомое неисполнение или допущение неисполнения технических правил или непринятие мер, необходимых для поддержания железной дороги или подвижного состава парохода или морского судна в безопасном для движения состоянии, если это деяние нарушало безопасность железнодорожного движения или судоходства.

Следует отметить, что понятия «истребление» и «повреждение», которыми оперировало Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., в Уложении 1903 г. были заменены понятием «повреждение». По мнению составителей Уложения 1903 г., это не означало, что противоправные действия, повлекшие истребление имущества, оставались ненаказуемыми. Так, в соответствии с объяснениями Редакционной комиссии с внешней стороны «повреждение означает всякое действие, которое причиняет истребление вещи в полном составе или в части» [1. С. 747].

В отличие от Уложения 1845 г., наказуемость простого умышленного повреждения имущества устанавливалась в зависимости от величины причиненного ущерба. Так, если величина ущерба составляла пятьсот рублей, то виновный наказывался арестом на срок не свыше трех месяцев или денежной пеней не свыше трехсот рублей. В ряд составов, предусмотренных гл. 30, был введен признак «маловажности», который существенно снижал ответственность за повреждение. Особое присутствие департаментов Государственного Совета разъяснило, что «маловажным» следует считать такое повреждение, которое не причинило важного имущественного ущерба потерпевшему [2. С. 753]. При этом «маловажность» повреждения не устанавливалась в качестве какого-то определенного денежного критерия, а определялась в каждом кон-

кретном случае в зависимости от конкретных обстоятельств дела [1. С. 753].

Предметом преступлений, предусмотренных гл. 30 Уложения, было имущество, которое относилось как к частному, так и государственному имуществу. В этой главе в качестве предмета преступлений были выделены объекты общего пользования или представляющие важное экономическое значение (ст. 549–554) [2. С. 88]. К предмету повреждения имущества Уложение 1903 г. относило имущество чужое для виновного; в некоторых случаях предметом повреждения могло быть собственное имущество виновного. Собственность виновного признавалась предметом повреждения, когда ее уничтожение могло повлечь какую-либо опасность для имущества других лиц. Так, в ч. 4 ст. 562 Уложения указывалось, что «виновный подлежит ответственности, если он повреждал свою собственность путем поджога, взрыва или потопления и это заведомо грозило опасностью распространения пожара, взрыва или потопления здания, суда, церкви христианского или молитвенного дома» или когда «заражение собственного скота служило средством заражения чужого скота» (ст. 550).

В подавляющем большинстве случаев повреждение считалось оконченным с момента причинения вреда имуществу другого лица, выразившегося в уничтожении или порче имущества. По мнению составителей Уголовного Уложения, для повреждения вещи было необходимо такое изменение, которым умалялась имущественная сфера другого лица, имеющего на ту вещь право собственности; другими словами, вещь как имущество считалась поврежденной тогда лишь, когда она навсегда или временно перестала удовлетворять тому или иному значению, для которого она служила [1. С. 754]. Они полагали, что уголовно-юридическое понятие повреждения характеризуется как существом самой вещи, так и ее назначением [Там же]. А потому составители Уложения относили к повреждению вещи случаи выпуска птицы из клетки, бросание вещи в море и т.д. [3. С. 195].

В некоторых случаях повреждение считалось оконченным с момента наступления специально предусмотренных в законе последствий. Так, преступление было оконченным, если повреждение «причинило остановку действия водопроводного, газопроводного, нефтепроводного снаряда, служащего для общего пользования или снаряда, который приводил в действие чужой завод или фабрику или грозило личной безопасности или целости имущества» (ст. 551), вызвало «наводнение или остановку в сообщениях или если таким повреждением причинена опасность для жизни человека» (ст. 557), «грозило опасностью распространения пожара» (ст. 562). Надо сказать, что Уложение предусматривало ответственность как за оконченное повреждение имущества, так и за неоконченное.

В Уложении 1903 г. была закреплена норма, предусматривающая возможность освобождения от уголовной ответственности, если при совершении неосторожных деяний, предусмотренных ст. 565–568, самим виновным или по его указанию будет устране-

на причиненная его деянием опасность либо когда при начавшемся пожаре, взрыве или утоплении ликвидирована опасность.

Нельзя не заметить, что в гл. 30 Уложения законодатель достаточно немногословно определял субъективную сторону умышленного повреждения имущества как правило, он указывал, что деяния могли совершаться «умышленно», «заведомо». Однако в некоторых случаях законодатель давал детальную обрисовку субъективной стороны преступлений. Так, в ч. 4 ст. 555 говорилось, что деяние совершается «с целью противодействия тушения пожара или спасания погибающих», в ч. 5 ст. 558 – «с целью причинить крушение железнодорожного поезда, парохода или морского судна». Обрисовывая субъективную сторону неосторожного повреждения имущества, законодатель говорил, что деяние могло признаваться неосторожным только тогда, когда такая форма вины была специально предусмотрена в самой статье.

К субъекту преступлений, предусмотренных гл. 30, Уложение относило физическое вменяемое лицо, которое могло понимать и осознавать способность своих действий, достигшее возраста 10 лет. За преступления, влекущие ответственность за нарушение правил безопасности, ответственность могли нести только лица, специально указанные в диспозициях статей. Так, по ст. 558 к ответственности привлекались лица «состоящие на службе железнодорожной, на пароходе или морском судне, а равно строители или подрядчики по железнодорожным сооружениям или по сооружению пароходов или морских судов», «служащие для безопасности дорожного движения и судоходства» (ст. 559), «строитель железной дороги, парохода или морского судна, член правления или управления железной дорогой» (ст. 560) и др.

В статьях 562, 563 Уголовного Уложения 1903 г. устанавливалась ответственность за повреждение такими общепасными способами, как поджог, взрыв, затопление. В статье 562 в качестве предметов преступления обозначались объекты как недвижимого (чужие леса, огороды, сады), так и движимого имущества (дрова, товары и т.д.), а также предметы, которые обладают большой разрушительной силой и представляют опасность для общества («взрывчатые вещества или легко воспламеняющиеся вещества или взрывчатые снаряды»). Статья 563 признавала предметами преступления имущество, которое имело важнейшее научно-культурное значение: недвижимое имущество, церковь или христианский молитвенный дом, публичные библиотеки или иные государственные или общественные хранилища предметов науки искусств и культуры, в которых находились люди и создавалась опасность причинения вреда в связи с повреждением. В статье 564 предусматривалась уголовная ответственность за приготовление или участие в сообществе, образованном для учинения повреждения железной дороги, подвижного состава или знака, установленного для безопасности дорожного движения с целью причинить крушение железнодорожного поезда; повреждение парохода или морского судна с целью причинить крушение парохода или морского судна.

Подытоживая сказанное, нельзя не отметить, что Уложение 1903 г. отличалось новизной систематизации преступных деяний, составляющих повреждение имущества, компоновки статей, предусматривающих ответственность за «простое» и «общепасное» повреждение имущества; конкретикой, логичностью и детальностью при изложении основных признаков составов преступлений; более совершенной юридической техникой изложения уголовно-правовых запретов.

В то же время нельзя не сказать, что не все решения составителей Уголовного Уложения 1903 г. получили поддержку в российской уголовно-правовой науке тех лет.

Одним из таких решений стало решение разработчиков Уголовного Уложения 1903 г. объединить в одну главу разнообъектные преступления. Редакционная комиссия объясняла это следующими доводами: 1) представить для судей наиболее полную систему о наказуемости повреждений различных видов имущества, которые в дальнейшем будет способствовать правильному выбору и применению нормы при квалификации преступлений, связанных с повреждением; 2) закрепить в правилах нового уголовного уложения систему действующего законодательства, исторически сложившуюся и принятую в новейших иностранных законодательствах, таких как Франция и Бельгия, которая представляется составителями Уголовного Уложения наиболее удачной, поскольку таким образом в уголовном законодательстве группируются все положения, которые выделяют из повреждения другие виды, которые имеют особо важное значение по свойству поврежденного предмета, средствам повреждения, характеру посягательства, в том числе и опасности его для неопределенного множества людей; 3) нецелесообразность выделения в уголовном уложении такой группы преступлений, как «общепасные», которая включала бы в себя противоправные деяния, «соединенные с опасностью каких бы то не было благ, как личных так и имущественных неопределенного множества лиц» [4. С. 5].

Составители Уголовного Уложения утверждали, что отсутствует необходимость выделения главы об «общепасных преступлениях», поскольку название заголовка не имеет никакого влияния на определение состава наказуемых деяний. Они полагали, что отсутствует всякое значение для выделения такой главы, так как эта рубрика будет вводить в заблуждение судебную практику, а законодательная власть вынуждена ограничивать до крайних пределов создаваемое им понятие.

Авторы Уложения 1903 г. считали, что признак общепасности представляется достаточно неопределенным, поскольку если законодатель признает уголовно наказуемыми только те деяния, которые представляют опасность для всего общества, то в главу «Общепасные преступления» следовало бы отнести все противоправные деяния, ответственность за которые предусмотрены в Уголовном Уложении.

Кроме того, стремление объединить все общепасные деяния, которые представляют непосредственную опасность и причиняют вред благам не-

определенного числа лиц, разрушит логичность и последовательность системы Кодекса [4. С. 8].

С данной позицией не соглашался Д. Тальберг, который указывал, что «стройность системы кодекса может только выиграть от выделения в особую рубрику тех преступных действий, которые не могут быть отнесены ни к преступлениям имущественным, ни к преступлениям против личности, если эти преступные действия и размещаются по разным отделам кодекса» [5. С. 491]. Д. Тальберг возражал против доводов Редакционной комиссии относительно того, что признак «общепасности» представляется достаточно неопределенным. По его мнению, общепасность, например, в повреждении железных дорог и т.д. «нельзя понимать, как это делает Редакционная комиссия, в смысле опасности действия для всего общества, а как действие, которое угрожает неопределенному множеству лиц» [Там же].

Выражал свое несогласие с составителями Уголовного Уложения и Редакционный комитет уголовного отделения Юридического общества Санкт-Петербургского университета, который в своих замечаниях отмечал, что общепасные повреждения имущества следует отнести в самостоятельный отдел общепасных преступных деяний. По его мнению, поджог, который упоминается в гл. 30 Уложения, является «типичным представителем так называемых общепасных посягательств, который прежде всего при истреблении предметов причиняет вред не имущественному благосостоянию, а жизни и здоровью людей, их личным наиболее ценным благам» [6. С. 56]. Это положение относилось также к другим общепасным повреждениям: повреждение телеграфа, железнодорожных путей, шлюза и т.д. Именно поэтому редакционный комитет указывал, что общепасные преступные деяния должны занимать самостоятельное положение, образуя особый отдел. Поскольку деяния должны группироваться по их внутренней связи и преобладающим характеристическим признакам, а не только исходя из соображений практического удобства при изложении Кодекса, при котором все виды повреждения находятся в одной главе независимо от их особенностей [Там же. С. 58].

Другим решением составителей Уложения 1903 г., вызвавшим критику в уголовно-правовой литературе, было решение о замене понятий «истребление» и «повреждение» понятием «повреждение». Как уже отмечалось, по мнению составителей Уголовного Уложения, в частности Н.С. Таганцева, повреждение и истребление представляют собой деяния, имеющие совершенно одинаковый характер и значение. Введение двух терминов в заголовки может породить мысль, будто бы закон желает создать два отдельных и различных уголовно-юридических понятия, что представлялось бы нежелательным [1. С. 754]. И.Я. Фойницкий указывал, что «использование в множестве норм различных выражений, обозначающих повреждающую имущество деятельность, нарушает единство конструкций (как это было в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.) и поэтому более правильным решением является закреп-

ление общим выражением «повреждение имущества» группы преступлений, которые направлены на причинение имущественного ущерба. ...Так как в мире физическом, к области которого должны принадлежать все имущества, могущие быть предметом повреждения, ни одна вещь не уничтожается, материя не пропадает, а лишь трансформируется» [3. С. 196].

Объединение понятий «повреждение» и «уничтожение» понятием «повреждение» поддерживалось и в публицистике тех лет. В редакционной статье журнала «Вестник Европы» говорилось, «что не стоит ждать каких-либо отрицательных последствий от распространительного толкования слова “повреждение”. Наказуемость меньшего зла сама собою предполагает наказуемость большего (конечно, однородного); ни один судья не усомнится применить закон, карающий повреждение имущества, к случаям совершенного истребления имущества, если последнее не предусмотрено законом» [7. С. 829].

С этими доводами не соглашался Киевский юридический факультет (Санкт-Петербургский университет). Так, в замечаниях на проект Уложения 1903 г. Киевский юридический факультет указывал, что повреждению дается чрезвычайно широкое и потому неправильное определение. Кроме того, подчеркивалось «что лишь повреждено, еще не истреблено: повреждение и истребление означают различные явления» [8. С. 7]. Аналогичного мнения придерживался Д. Тальберг, который отметил, что повреждением не может быть признано действие, причиняющее истребление вещи в целом ее составе, а также то, что истребление может быть в некотором случае повреждением вещи [5. С. 490].

Подобного мнения придерживался и Редакционный комитет уголовного отделения Санкт-Петербургского университета, который обратил внимание, что в иностранном законодательстве не встречается одно выражение «повреждение», параллельно с ним ставятся другие более определенные понятия или оно поясняется описательным образом – сделать вещь негодной, изъять из обладания. Стремление же разработчиков Уголовного Уложения к краткости при определении преступных деяний, по мнению Редакционного комитета, не должно было влиять на точность и ясность при их изложении. Поэтому ученые Санкт-Петербургского университета предлагали добавить в наименовании главы к слову «повреждение» слова «истребление» или «разрушение» или пояснить его описательным способом [6. С. 58].

Однако эти замечания не были приняты во внимание ни составителями проекта Уголовного Уложения 1903 г., ни законодателем. Законодатель считал возможным оперировать в тексте закона обобщающим термином «повреждение». Он оставил без изменения и структуру гл. 30. В объяснительной записке к Уголовному Уложению это объяснялось «желательностью и необходимостью представить суду возможно полную систему наказуемости деяний, облегчить ему справки с законом и тем самым обеспечить, возможно, правильное применение последнего к отдельным случаям судебной практики» [4. С. 6]. Как видим, официальная инстанция приняла решение составителей Проекта из соображений практического удобства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Таганцев Н.С. Уголовное Уложение 22 марта 1903 г. С мотивами, извлечениями из объяснительной записки редакционной комиссии, представлениями Мин. Юстиции в Государственный совет и журналов – особого совещания, особого присутствия департаментов и общего собрания Государственного Совета. СПб. : Государственная типография, 1904. 1127 с.
2. Евангулов Г.Г. Уголовное Уложение 1903 (высочайше утвержденное 22 марта 1903 г.): текст закона с очерком основных положений и существенных отличий его от действующего законодательства и с алфавитным предметным указателем. СПб. : Право, 1903. 400 с.
3. Фойницкий И.Я. Курс уголовного права. Часть особенная. Посягательства личные и имущественные. 5-е изд. СПб. : Типография М.М. Стасюлевича, 1907. 441 с.
4. Уголовное Уложение. Объяснения к проекту Редакционной комиссии. Том VII. Главы 28–34. СПб., 1895. 645 с.
5. Тальберг Д. Повреждение имущества по проекту нового уложения // Юридический вестник. 1886. № 11. С. 487–501.
6. Замечания Редакционного комитета Уголовного отделения Санкт-Петербургского юридического общества на проект Особенной части Уголовного Уложения II Посягательства имущественные // Санкт-Петербург. Типография правительствующего сената. 1880. 204 с.
7. Внутреннее обозрение // Вестник Европы. 1889. Т. 1. С. 825–845.
8. Замечания на проект Уголовного Уложения (имущественные посягательства). Мнение юрид. фак-та св. Владимира. Киев, 1887. 52 с.

Статья представлена научной редакцией «Право» 21 сентября 2015 г.

CRIMINAL LIABILITY FOR DESTRUCTION OR DAMAGE OF PROPERTY ACCORDING TO THE CRIMINAL CODE OF 1903

Tomsk State University Journal, 2015, 401, 249–253. DOI: 10.17223/15617793/401/37

Chernousova Anastasia V. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: nastya-chernousova@yandex.ru

Keywords: destruction; damage; public danger; Criminal Code of 1903.

In this article, the author considers Chapter 30 of the Criminal Code of 1903 which provides liability for damage of property. It is noted that this chapter contains crimes different in their legal nature. According to the Criminal Code of 1903, damage of property was divided into ordinary and socially dangerous. It could be a method of committing the crime or a result of the illegal act. The author analyzes the constitutive and qualifying characteristics of crimes aimed at damaging property, as well as changes and amendments to norms that establish liability for damage of property according to the Criminal Code of 1903 in comparison with former legal acts. For example, punishment for ordinary deliberate demolition and damage of property was different depending on the value of the inflicted damage; a number of crimes had insignificant features. This article contains fundamental opinions of outstanding lawyers of the 19th century on the system of crimes that provided liability for damage of property according to the Criminal Code of 1903. The author makes a distinction between the notions “demolition” and “damage”. She comes to a conclusion that demolition

and damage of property are independent and different actions in their content, that is why there is no point in uniting these notions into one general notion “damage”, which was made by the authors of the Criminal Code of 1903. The decision of the compilers of the Criminal Code of 1903 to combine 30 crimes with different objects into one chapter could be explained by a practical aspect; it helped to make a right choice and to apply norms in case of determination of property damage. In addition, it could be explained by the adoption of the system of crimes of criminal legislation of foreign countries, where one chapter contained all types of damage which had a high value in terms of the nature of the damaged subject, means of damage, character of offence; and by the uselessness to evolve the group of socially dangerous crimes. The authors of the Criminal Code of 1903 insisted that there was no necessity to evolve a chapter about “socially dangerous crimes”, because the heading did not have any influence on crime definition. They thought that it was not important to create this chapter, because this part could mislead the judicial practice, the legislator was forced to limit this notion. The authors of the Criminal Code regarded that the effort to unite all socially dangerous crimes could destroy the logical nature and consistency of the Code system.

REFERENCES

1. Tagantsev, N.S. (1904) *Ugolovnoe Ulozhenie 22 marta 1903 g. s motivami, izvlecheniyami iz ob'yasnitel'noy zapiski redaktsionnoy komissii, predstavleniyami Min. Yustitsii v Gosudarstvennyy sovet i zhurnalov – osobogo soveshchaniya, osobogo prisutstviya departamentov i obshchego sobraniya Gosudarstvennogo Soveta* [Criminal Law of March 22, 1903 with the motifs, excerpts from the explanatory memorandum of the Drafting Committee, representations of the Ministry of Justice to the State Council and of journals: a special meeting, the special presence of departments and the general meeting of the State Council]. St. Petersburg: Gosudarstvennaya tipografiya.
2. Evangulov, G.G. (1903) *Ugolovnoe Ulozhenie 1903 (vysochayshe utverzhdennoe 22 marta 1903 g.): tekst zakona s ocherkom osnovnykh polozheniy i sushchestvennykh otlichiy ego ot deystvuyushchego zakonodatel'stva i s alfavitnym predmetnym ukazatelem* [Criminal Law of 1903 (imperially approved on March 22, 1903): the text of the law with an outline of the main provisions and significant differences from the existing legislation, and with the alphabetical index]. St. Petersburg: Pravo.
3. Foynitskiy, I.Ya. (1907) *Kurs ugolovnogo prava. Chast' osobennaya. Posyagatel'stva lichnye i imushchestvennye* [The course of the criminal law. The special part. Personal and property infringement]. 5th ed. St. Petersburg: Tipografiya M.M. Stasyulevicha.
4. Anon. (1895) *Ugolovnoe Ulozhenie. Ob'yasneniya k projektu Redaktsionnoy komissii* [Criminal Law. Explanations to the project of the Drafting Committee]. V. VII. Ch. 28–34. St. Petersburg: V gosud. tipografii.
5. Tal'berg, D. (1886) Povrezhdenie imushchestva po projektu novogo ulozheniya [Damage of property by the new draft Code]. *Yuridicheskiy vestnik*. 11. pp. 487–501.
6. Drafting Committee of the Criminal Branch of St. Petersburg Law Society. (1880) *Zamechaniya Redaktsionnogo komiteta Ugolovnogo otdeleniya Sankt-Peterburgskogo yuridicheskogo obshchestva na projekt Osobennoy chasti Ugolovnogo Ulozheniya II Posyagatel'stva imushchestvennye* [Remarks of the Drafting Committee of the Criminal Branch of St. Petersburg Law Society on the project of the Special Part of the Criminal Law Code II, Property Infringement]. St. Peterburg: Tipografiya pravitel'stvuyushchego senata.
7. Anon. (1889) Vnutrennee obozrenie [Review of Home Affairs]. *Vestnik Evropy*. 1. pp. 825–845.
8. Law Faculty of St. Vladimir. (1887) *Zamechaniya na projekt Ugolovnogo Ulozheniya (imushchestvennye posyagatel'stva). Mnenie yurid. fak-ta sv. Vladimira* [Comments on the draft Criminal Law (property infringement). Opinion of the Law Faculty of St. Vladimir]. Kiev: Tip. I.N. Kushnereva i K.

Received: 21 September 2015